

ВЛАДИМИР
ЛАЗОВИК

Поллярное
нигде

ТАВЕРНА ВОСПОМИНАНИЙ

Румперия

МОСКВА
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л17

Художественное оформление *Анастасии Яковенко*

Иллюстрация на обложке *Rico Nakari*

Иллюстрация на форзацах *Cropolat*

Лазовик, Владимир.

Л17 Полярное нигде / Владимир Лазовик. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Румперия. Дыхание магии).

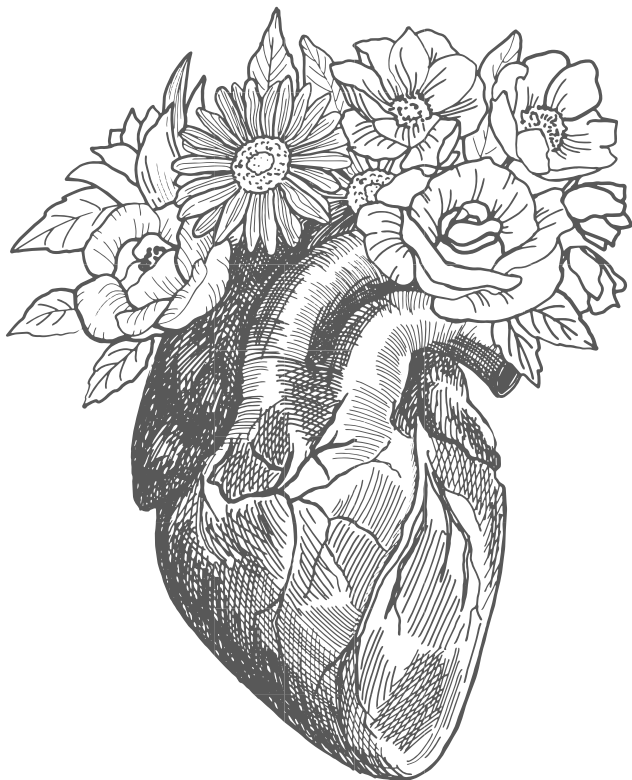
ISBN 978-5-04-231587-9

На самом краю мира стоит таверна «Полярное Нигде» — последнее пристанище для отчаявшихся душ на пути в аномальное Безграничье. Платой за горячий ужин здесь служит не монета, а воспоминание: светлая грусть, справедливый гнев или тихое умиротворение. Однажды на пороге «Полярного Нигде» появляется Нова — девушка без воспоминаний, которой нечем платить. Нарушая все заветы, хозяин таверны Сайлас решает на рискованный и сомнительный эксперимент. Он создаст душу для Новы, по капле вливая в нее эмоции чужих жизней. Сайлас угощает девушку без прошлого восторгом первого снега и терпением старого пекаря, надеясь построить из светлых фрагментов цельную и гармоничную личность. Но с каждым новым «вкусом» в Нове пробуждается не только способность чувствовать, но и отголоски ее собственной, пугающей тайны. Почему Нова все забыла? Какая могущественная и непредсказуемая сила скрыта в ней на самом деле? И что произойдет, когда ее душа столкнется с ужасом своего настоящего прошлого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Владимир Лазовик, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231587-9

ГЛАВА 1

СОЛЬ НА СНЕГУ

В мире остался лишь белый. Не тот ослепительный, праздничный белый, что обещает чистоту и начало, а тусклый, как застывший животный жир. Бескрайний пласт снега, без единой складки, без тени, без намека на горизонт, уходил в такое же белесое, брухатое небо, и казалось, если сделать еще шаг, можно сорваться не вниз, а вверх, в эту молочную пустоту. Пространство утратило свои законы, превратившись в саван.

Под этим саваном двигалась фигура.

Метель не завывала — для этого в ней было слишком много твердых, колких частиц. Она шипела. Монотонно, неотступно, как гигантский змей, ползущий по стеклу. Снег забивал складки одежды, превращая их в жесткие ледяные валики,

налипал на лицо, создавая хрупкую белую маску. Ветер, плотный и тяжелый, давил, заставлял наклоняться, почти ложиться на его упругое плечо, чтобы сделать следующий шаг. Каждый вдох был труден — ледяной воздух обжигал нос, будто раскаленной проволокой, легкие болезненно сжимались.

Одиночка, бредущий сквозь это ослепшее ничто, был закутан до полной неузнаваемости. Несколько слоев грубой, потемневшей от времени ткани скрывали контуры тела, не оставляя и намека на пол или возраст. Лицо было замотано шарфом, превратившим дыхание в видимое, хрустящее облачко, тут же оседающее инеем на ткани. Над шарфом виднелись лишь очки-консервы, защищавшие глаза от жалящих снежных игл. Фигура двигалась медленно, ритмично, с упорством заведенного механизма. Нога в громоздком ботинке проминала наст с глухим хрустом, замирала, и затем вторая начинала то же самое движение. Но каждый шаг был ничтожным. Не путник — темный столбик, почти растворяющийся в белой круговерти, единственный вертикальный объект в этом горизонтальном мире.

Но вот, в редкий миг, когда пелена метели истончилась, появился он. Огонек.

Он не был ярким. Скорее, это была крошечная искра теплого, медового цвета, прожегшая серо-белую ткань мира. Такая далекая, что могла

быть обманом зрения, игрой замерзающего разума. Но она горела упрямо, словно кто-то заботливо прикрыл ее от ветра ладонью. Огонек был сродни обещанию: где-то там, впереди, есть не только снежная буря. Есть очаг, есть крыша, есть конец пути.

Фигура на мгновение замерла, всего на один удар сердца. Ничего не изменилось в ее позе, но само это замирание посреди непрерывного движения было событием. Затем плечи, обремененные пластами одежды и намерзшим снегом, едва заметно подались вперед. Путь обрел направление. Одиночка пробирался сквозь ледяной ад к этому крошечному янтарному пятну, единственной теплой ноте в оглушительной симфонии зимы.

Дверь поддавалась не сразу. Она протестовала, скрипя замерзшими петлями, словно старик, которого потревожили посреди глубокого сна. Путник налег на нее всем весом и наконец ввалился в дом.

И мир перевернулся.

Снаружи остался рев метели, пронзительный холод и слепящая белизна. Внутри встретила густая, теплая тишина. Ветер был отсечен так резко, словно кто-то опустил невидимый клинок. Одиночка медленно стянул шарф к подбородку. Здесь пахло горящими дровами. Воздух здесь был другим — плотным, тяжелым, пропитанным до последней молекулы запахами, которые, казалось,

можно было потрогать. Он пах горячим деревом, раскаленным камнем очага, свежезаваренным травяным сбором с нотками чабреца и мяты. Под этой очевидной палитрой скрывался более глубокий, слоистый аромат: сладковатая пыль старых книг, тонкий дух расплавленного воска и что-то совершенно неопределимое — запах, похожий на озон после летней грозы, смешанный с корицей и сушеными яблоками.

Свет был жидким, медовым. Он стекал с абажуров нескольких низко висящих ламп, сделанных из толстого, желтоватого стекла. Поблескивали на поверхностях пары непохожих друг на друга деревянных столов. Один был круглым, испещренным ножевыми порезами. Другой — длинным и узким, из темного, почти черного дерева, отполированного тысячами локтей. Мерцали латунные заклепки на спинках стульев и ряды разномастных кружек, стоявших вверх дном на полках за длинной барной стойкой.

Эта стойка была сердцем заведения. Массивная, из продольного спиля мореного дуба, она тянулась почти через все помещение. За ней, на стеллаже, царил организованный хаос. Пузатые глиняные банки с рукописными этикетками: «Соль слез», «Сахар смеха», «Перец гнева». Стеклоклянные бутылки с жидкостями всех оттенков — от прозрачно-золотистого до черного, как нефть. Рядом с ними лежали странные инструменты:

маленькие серебряные ступки, медные щипчики и весы, похожие на аптекарские.

Стены, увешанные памятными мелочами, казались живыми. Выцветшие черно-белые фотографии: бородатые мужчины в унтах щурятся на фоне ледяных торосов; женщина с усталой улыбкой обнимает огромную собаку, похожую на волка; маленький самолет с лыжами вместо шасси, замерший на фоне бескрайнего снега. Между фотографиями замерли артефакты: старый корабельный компас с треснувшим стеклом, связка причудливо изогнутых корней, потемневший от времени секстант. Над ним вздымался одинокий, потертый конек. Каждый предмет молчаливо рассказывал свою историю.

В дальнем углу потрескивал огонь в большом очаге. Пламя было спокойным, сытым. Отсветы плясали на половицах, заставляя тени сгущаться и отступать.

Одиночка замер на пороге, позволяя теплу проникнуть под одежду, растопить ледяную корку на душе. Затем, с медлительностью ритуала, начал раздеваться. С плеч на пол с глухим стуком упал первый, самый грубый слой — промерзшая насквозь накидка, ставшая жесткой, как кора. За ней последовал плотный тулуп, затем еще один, более легкий. И, наконец, длинный шарф опустился на стул.

Под ледяной броней не оказалось ни сурового полярника, ни охотника с обветренным ли-

цом. К столам прошел элиф. Его кожа была цвета тончайшего фарфора, сквозь который, казалось, просвечивали голубоватые нити вен. Черты были аристократичны, а уши изящно заострились кверху. Но поражали глаза. Огромные, несоразмерные с худым лицом, они были цвета темной стоячей воды в лесном озере. В них не было очерченного зрачка, лишь сплошная, глубокая, влажная гладь, отражающая медовый свет ламп. Они были как две бездонные лужи, в которые можно было упасть и не найти дна, полные молчаливого, всепонимающего спокойствия.

Элиф был единственным посетителем в этом убежище на краю мира. Он сел за ближайший к бару столик, положил на его теплую поверхность длинные, тонкие руки и начал медленно потирать их. Движение, такое человеческое в своей простоте, создавало едва слышный шорох. Элиф не осматривался больше, не изучал обстановку. Его взгляд был устремлен на проход, ведущий, по-видимому, в кухню. Он ждал.

Тишина в заведении была настолько плотной, что шаги, раздавшиеся в глубине помещения, прозвучали не просто громко — весомо, будто по полу перекатали валун.

Из прохода появился Сайлас, крупный мужчина в годах. Впрочем, морщины на его лице были не печатью возраста, а скорее картой прожитых эмоций — тонкая паутинка в уголках

глаз от смеха, глубокие складки у рта от частых, но сдержанных улыбок. Но и молодым его не назвать: во взгляде сквозила усталость, свойственная людям, которые слишком много видели и слишком долго молчали. Он был могуч. Широкие плечи едва не задевали косяки, а грудь вздымалась под простым фартуком из грубого полотна, как скала. Большие, натруженные руки с короткими, ухоженными ногтями казались способными расколоть полено одним ударом. Но самой примечательной деталью были усы. Пышные, густые, с седыми прожилками, они скрывали верхнюю губу и придавали образу Сайласа какую-то старомодную надежность.

Он остановился у стойки, оперся на нее огромными ладонями, и дерево под ними, казалось, согласно прогнулось. Его голос был под стать фигуре — рокошущий, как далекий камнепад, но без малейшей угрозы.

— Кто почтил мое «Нигде»? — вопрос был задан негромко, но заполнил собой все пространство. Элиф поднял свои бездонные глаза. Его слова прозвучали тонко и чисто, как звон маленького серебряного колокольчика на ветру.

— Малька. Зовите меня Малька.

Сайлас медленно кивнул, повел губами, словно пробуя имя на вкус. В его глазах не было ни удивления, ни любопытства, лишь принятие.

— Хорошо, Малька. Я Сайлас. Изволишь отобедать? Или согреться?

Малька чуть подался вперед, и в его голосе проскользнула почти детская, трепетная нотка.

— Можно мне... можно мне какао? С теплотой маминых рук.

Лицо Сайласа не дрогнуло, но взгляд на мгновение стал мягче. Сайлас не стал уточнять этот странный заказ. Он понял его суть, а не форму.

— Конечно, можно, — его рокот стал тише. — Как будешь платить?

Малька опустил взгляд на свои тонкие белые руки, лежащие на столе.

— Подойдет... рыбалка с отцом? Таких дней было много, приятных, солнечных. Я могу отдать одно воспоминание. Оно не самое яркое, но очень теплое.

— Договорились, — произнес Сайлас так же просто, как если бы речь шла о монете-другой. Он не стал забирать плату сразу. Для этого было свое время и свой ритуал. Он лишь еще раз кивнул, развернулся неожиданно легко для своей медвежьей фигуры и, не сказав больше ни слова, скрылся в том же темном проеме, из которого появился.

Малька остался один. Тишина вернулась, но стала другой — наполненной ожиданием. Он снова потерял ладони, но теперь это был не жест замерзшего путника. Это было предвкушение. Предвкушение не просто горячего напитка, а чего-то большего — обещанного тепла, извлеченного из глубин чужой или, может быть, уже и его собственной памяти. В воздухе, помимо запахов

дерева и трав, появился едва уловимый оттенок — сладкий, призрачный аромат шоколада.

Путь Сайласа на кухню был коротким, но это было путешествие в иной мир. Если зал был царством теплого дерева и приглушенного света, то кухня была полна камня, металла и пара. Здесь запахи становились резче, насыщеннее: горячий чугун, ржаной хлеб и специи, что хранились в десятках маленьких ящичков, встроенных в стену.

Сайлас не зажег ламп. Ему хватало света, пробивающегося из зала, и неяркого, пульсирующего ореола вокруг остывающей плиты. Его движения были выверенными и экономными, как у хирурга или часовщика.

Сначала он подошел к полке, где в ряд стояли холщовые мешочки, туго перевязанные бечевкой. Он не читал надписи. Его большая, грубоватая на вид рука прошла вдоль ряда, не касаясь, словно ощупывая ауру каждого мешочка. Замерла. Пальцы уверенно взяли один из них, и Сайлас развязал узел. Внутри оказались темные, почти черные, сморщенные какао-бобы. Он высыпал горсть на ладонь. Они были сухими и легкими, пахли чем-то землистым и горько-шоколадным, далеким обещанием вкуса.

Затем он повернулся к массивному каменному столу в центре кухни. Там стояла ступка, выточенная из пористого серого камня, испещренного тонкими, едва заметными рунами, которые, казалось,